

Игорь Храмов-Тесёлкин

О ВОЙНЕ — С ЛЮБОВЬЮ

Россиянам. Соотечественникам.
Потомкам

Игорь Михайлович Храмов-Тесёлкин
О войне – с любовью.
Россиянам.
Соотечественникам. Потомкам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40943180
ISBN 9785449633712

Аннотация

Говорят, что каждый писатель пишет ту книгу, которую сам бы хотел прочитать. И эта не исключение. Автор пытался найти ответ на мучающие всех нас злободневные вопросы – и для себя, и для читателя: о жизни, о власти, о судьбе России и её народа и том, что мешает всем нам жить.

О войне – с любовью Россиянам. Соотечественникам. Потомкам

Игорь Михайлович
Храмов-Тесёлкин

© Игорь Михайлович Храмов-Тесёлкин, 2019

ISBN 978-5-4496-3371-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Соотечественникам

Наши мертвые нас не оставят в беде

Наши павшие как часовые...

Владимир Высоцкий

«Он не вернулся из боя»

1941

Над нашим небом вновь нависли

Гарь и копоть.
Напротив враг – и руки у него
В крови по локоть.
В окопе двое нас с тобой-
Иван с Ильясом
Страну закрыли от врага
Солдатским мясом.
Вновь движется на нас с тобой
Железа гряда. Не спрятаться нам, не уйти
С тобой отсюда.
Ах, что же будет, мне скажи,
Отныне с нами?
Нельзя отсюда нам с тобой —
Москва за нами.
Сквозь грохот что – то ты кричишь —
Мне непонятно.
Нельзя нам время повернуть
С тобой обратно.
На свете мало так с тобою
Мы прожили
Недострадали мы с тобой,
Недолюбили.
Пускай от взрыва у врага
Заклинит башню.
Поверь, за правду умирать
Совсем не страшно.
Какие быть у нас с тобой
Могли бы дети... Отныне вместе нам с тобой
Шагать в бессмертье.

Обидно рано умирать,
Скажи мне честно?
Настанет время – и о нас
Напишут песни.
Последний взгляд перед броском —
К небесной сини.
Ну все. Пора идти на смерть.
Прости, Россия.
Пусть немецкий пулемёт
Сердце в ключья разорвёт
Будет безутешно мать
Вести от сыночка ждать
Разве можно рассказать,
То, как ждёт сыночка мать?
4.05. – 6.05.2010

Мы все выросли на фильмах о войне. Смотря эти фильмы, каждый из нас, наверное, задавался вопросом: а ведь страшно, наверное... Особенно когда в лицо тебе хлещет, как принято говорить, «свинцовый дождь», но здесь именно это ставшее таким привычным расхожее выражение является очень точным. Наверное безумно страшно – поднять, швырнуть себя в атаку, броситься навстречу смерти... что там еще – какие бы слова ты не подбирал – они не будут слишком сильными, поскольку все равно не передадут, пожалуй, того накала, того чувства, которое испытывал, наверное, каждый из нас – далеко уже послевоенных пацанов – детей детей войны, задумывавшихся о той, Великой битве...

и только главная мысль, пожалуй, была одна: а я – смог бы?

Поэтому я был так потрясен, когда в ответ на мой наивный вопрос мой хороший знакомый (не рискну сказать – друг, поскольку все-таки я всегда прекрасно понимал разницу между нами), задумавшись, твердо ответил: «Нет. Ты знаешь – за правду – не страшно». Он даже не сделал никаких оговорок – «пожалуй», «наверное». Нет – и все, и это, как и пауза перед ответом, подчеркивали категоричность, я бы даже сказал – безапелляционность его слов.

Я слишком хорошо знал этого человека, чтобы сомневаться в его искренности. Звали его Федор (он просил, чтобы к нему обращались именно так – по имени), и прихожане храмов Всех Святых, в Земле Российской просиявших, Казанской и ряда других должны хорошо его помнить. Колоритный такой дедок – невысокого роста, худенький, постоянно ходил в расшитой петухами косоворотке, брюках, которые заправлял в юфтевые солдатские сапоги и подпоясывался пояском, на котором была вышита Иисусова молитва – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Такого на всю жизнь запомнишь и встретишь – ни с кем не спутаешь.

Молитву на поясе, по моему, он вышил сам, поскольку был на все руки мастер. В этом я смог убедиться на собственном опыте. Когда у матери сломалась швейная машинка, доставшаяся ей в наследство от одной прихожанки Казанского храма – музейного работника, перешившего на этой машин-

ке, пожалуй, большую часть экспозиции, Федор в воскресенье после службы пришел к нам ее делать. Сам я, как законченный гуманитарий, на такой подвиг в принципе не способен, поэтому ограничился тем, что подавал Федору инструменты.

Вы ходите в церковь? Знаете, как чувствует себя прихожанин после воскресной службы? Молиться на самом деле очень тяжело – если только, конечно, не просто важно прийти в церковь, воткнуть свечку и гордо уйти с чувством собственного достоинства и осознания выполненного долга.

Тяжело полтора часа стоять на литургии, внимательно вслушиваясь в слова молитвы. А кроме этого и свои проблемы тоже есть, и о них тоже надо не забыть Богу сказать. Потому что часто, выходя из храма, ловишь себя на мысли, что о самом главном, пожалуй, как раз попросить и забыл. И только спустя некоторое – необходимое для понимания – время понимаешь, что это и есть как раз показатель того, что ты на верном пути: главное – просто прийти к Богу, а самое главное, как, впрочем, и все остальное, Он решит за тебя...

...После воскресной службы многие прихожане предпочитают отсыпаться. Хотя бы прикорнуть на полчаса – иначе не хватит сил на весь остаток воскресного дня. Особенно если учесть, что после службы тебя ждет праздничная трапеза – как правило, довольно обильная. Исключение составляют работники храмов, которым прикорнуть чаще все-

го просто нет возможности, но там – «молитва держит». Благодарить...

Поэтому я просто засыпал с инструментами в руках, в отличие от Федора, который после обедни сумел еще и переделать массу дел по дому. Моему дому – и это на девятом десятке лет! Его лет. «Эх, ребенок глупый!» – и он потрепал меня по макушке. Ребенок, подходящий в то время к сорокалетнему рубежу – или около того – действительно впервые за столько лет испытал к мужчине давно забытые сыновние чувства.

Иной скептически настроенный читатель усмехнется: чудит, мол, брат-писатель, мажет и мажет краски для придуманной им лубочной картины. Пожалуй, что чересчур... А я как перед Богом клянусь: именно так оно все и было. Больше того: машинка, подаренная матери в храме и сделанная с молитвой, с тех пор по воскресным и праздничным дням не шьет (имеются в виду именно церковные праздники) – то нитку заест, то еще что-нибудь... В будние дни – пожалуйста. Хотите – отнесите сей факт за счет моей неумной фантазии. А лучше просто поверьте. Поверьте – потому что места не хватит, чтобы рассказать все, что я знаю об этих замечательных людях, победивших в Той войне. По крайней мере – здесь и сейчас. Бог даст – обязательно расскажу.

Так вот, этот глубоко уважаемый мной человек сказал, что на смерть было идти – не страшно. Когда за правду.

Что интересно: по настоящему верующим, по его словам,

Федор тогда еще не был – таковым он стал значительно позже – после войны. Но, видимо, бывают в жизни как отдельно-го человека, так и целого народа – те Моменты истины, когда высвечивается и проверяется его Главная сущность. То, ради чего жизнь отдать не жалко. Которая сама по себе – Жизнь – имеет смысл только тогда, когда посвящена какой-то великой цели – той, которая больше самой жизни и озаряет ее смыслом. Иначе – зачем это все?

Я часто думаю: кем мог стать в мирной жизни, например, наш земляк политрук Клочков? То, что был он человеком явно незаурядным – несомненно. Это надо же – найти слова, которые вошли во все учебники истории: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва». России не будет – а эти слова останутся. Как слова того безымянного грека – первого марафонца, принесшего соплеменникам благую весть: «Радуйтесь, афиняне, мы победили!» Сказал – и упал замертво. Ушел в Бессмертие. Смертью смерть поправ...

Очень по христиански, кстати. Потому что для христианина главное – не достойная жизнь, а достойная смерть. И вся жизнь, по сути – ни что иное, как подготовка к этому самому важному в жизни событию. Которая и имеет смысл только тогда, когда совершается ради Любви. Любви к чему-то большему, чем ты сам – семье, Родине, человечеству, Богу... И тогда отблески этой любви озаряют всю твою жизнь. Без которой сама эта жизнь и не жизнь вовсе, а так – просто существование без цели и смысла.

Иной резвый критик, пожалуй, скажет, что, может, и не было никаких таких слов, вернее Клочков их не говорил. Откуда у простого рабочего, ставшему вдруг политруком, да такое красноречие! А произнес их за него какой-нибудь резвый борзописец – фронтовой или дивизионный журналист – советский интеллигент, одевший в годы войны офицерскую форму. Встречался мне один такой критик – в годы моей учебы на историческом факультете. Сейчас преподает историю в одном престижном вузе, готовящем кадры будущих чиновников для молодой российской демократии и, по моему, что-то даже там возглавляет. Знаменательно, согласись...

Этому давнему моему критику я надеюсь чуть ниже ответить: могли, могли сказать наши отцы и деды эти слова, поскольку были людьми весьма и весьма недюжинными: богатыри – не мы – во всем, в том числе и в том, что касалось слова. Об этом – Бог даст – чуть ниже. Но даже если – на минуту – допустить правоту моего оппонента, лично у меня это не вызывает ничего, кроме огромного – исключительного – уважения. В том числе и к моему фронтовому коллеге, вложившему эти гениальные слова в уста нашего земляка героя – так, как – безо всякого ропота – делился убитый друг своим оружием или одеждой: возьми, браток, и держи крепко. Тебе – нужнее... Ах, какие же люди, какие люди отдали за нас жизни, что даже память о них делает нас лучше и заставляет – хотя бы в мыслях – на них равняться!

Я уже писал, что нынешнему поколению очень повезло – они застали в живых ветеранов той Великой войны. Когда я вспоминаю знакомых мне участников Великой Отечественной, первая врезавшаяся в память отличительная черта – у них всех этот смысл безусловно был. Вернее – они умели этот смысл в эту самую жизнь привносить, просто серьезно относясь к тому делу, которое они исполняли.

Я вспоминаю духовника Саратовской епархии, настоятеля первого военного храма на территории России, открытого после советской власти, протоиерея Николая Архангельского, бывшего в годы войны командиром «Катюши». Он ни разу не сказал никому из прихожан – нет, даже не резкое слово, просто – «я не могу», никому никогда не отказывая в беседе, хотя к концу жизни почти ослеп и с трудом доходил до машины, которая ждала его у ворот храма.

Когда я в один из сложнейших периодов своей и так достаточно непростой жизни находился в очень сложном духовном состоянии, он очень здорово меня выручил. В какой – то степени – спас. Его молитвы, как и многих других, помогли мне выстоять и победить. Потому что публикация этого текста, как и других – это победа. Которая далась – уж поверь, читатель – весьма и весьма непросто.

Сейчас я думаю: а мог кто-то из священников, кроме него, тогда мне помочь? Возможно, что и нет. По крайней мере, в Саратовской епархии я таковых тогда не знал, а я знал – даже тогда – достаточно многих. Неудивительно, что чело-

век, отличившийся в брани военной, был так искусен в брани духовной. А вообще-то – если по-простому: он просто относился к людям с состраданием и любовью. Неудивительно, что святые так часто повторяли, что Бог – это простота.

Я вспоминаю одного из ветеранов журналистики – ветерана последнего военного призыва Юрия Пятницкого. Это сейчас я вспоминаю его с теплотой, а тогда он, что называется, у меня «в печенках сидел». Особенно когда я был дежурным редактором по главной областной газете и шла какая-нибудь его статья. Тогда все дежурные сотрудники, особенно корректора, от него просто стонали, поскольку каждую свою строчку он проверял и перепроверял по нескольку раз и до самого последнего момента вносил правку. Его нещадно «резали», кромсали, иногда, как я сейчас понимаю, вовсе не по необходимости, а чтобы «сэкономить место» или просто от усталости и раздражения, он относился к этому в общем-то достаточно благодушно, вздыхая об «издержках профессии» и внося в текст новые изменения.

Компьютеров тогда не было, свинцовые буквы методом «высокой печати» набирали вручную (видите, какой автор древний) и процесс правки был технически достаточно сложным. При этом – что удивительно: процесс был очень громоздким, количество шрифтов было на порядок меньше, но при этом у каждой газеты было свое лицо.

Я даже не ставлю это слово в кавычки – оно действительно было. Я мог случайно увидеть обрывок газеты или газетный

сверток на улице (в стране был дефицит упаковки и в газеты люди тогда завертывали все не очень ценное – пакет мусора, например) и буквально по клочку бумаги с уверенностью сказать, что это – официозная «Правда» или «Комсомолка» с ее хаотичной версткой и такими же взбудораженными и непричесанными, но казавшимися тогда такими искренними и милыми взглядами на жизнь.

Оговорюсь для сегодняшнего читателя – я пишу именно о той – настоящей «Комсомолке», а не о сегодняшнем – цитирую руководство газеты – «коммерческом проекте», контрольный пакет которого принадлежит американскому, что ли, капиталу и который, несмотря на это, то же самое руководство упрямо продолжает именовать «чисто российским продуктом». Уж тогда точнее будет – русскоязычным...

Сегодня, когда процесс изготовления упрощен до предела и в арсенале столько технических средств, почти все газеты как близнецы – похожи одна на другую. Ну, за исключением разве что «Завтра» – ее, в отличие от других, весьма и весьма часто – можно читать. Большинство остальных не то что просматривать – по моему, даже в качестве туалетной бумаги использовать неприлично. Не «лицо» просится на язык, а, простите, «харя». Может, потому так любят наши «политтехнологи» словечко «харизма», что уж больно слова-то родственные?

Продвинутый либеральный читатель, пожалуй, упрекнет меня в любви к проклятому тоталитарному (или уж – пере-

строечному – перекроечному) прошлому и даже, возможно, съязвит, что тогда и корректора, пожалуй, были значительно моложе и симпатичнее... Нет, думаю, дело все же не в этом. Попробую объяснить.

Так вот, тогда меня, начинающего репортера, с раздражением исполняющего обязанности дежурного редактора (творить надо, а приходится этой вот рутинной заниматься), ветеран – журналист сразил одной фразой: «Журналист начинается со способности удивляться. Самым простым и обыденным вещам. Кончилось удивление – кончился журналист». То есть к окружающему миру следует относиться если не с любовью, то хотя бы по крайней мере – с интересом. С интересом не к себе, любимому, а к окружающему миру.

Недавно мне попала в руки его статья про саратовский мост – «Устал, бедняга?». Такое впечатление, что написано сегодня. Этим настоящая журналистика, как, впрочем, и любое настоящее искусство и отличается – оно от времени становится лишь актуальнее. Недавно мне попал в руки пушкинский «Современник» – он гораздо актуальнее, чем «Наш современник» и наш «Новый мир» вместе взятые. Александра Сергеевича было за что убивать. Посмотрите и убедитесь сами.

Не открою секрета, что наше время характерно нарастанием апатии – падения интереса не только к окружающему миру, но даже собственной жизни. Пожалуй, сегодня все уже чувствуют, как время все более сгущается, спутываясь

в злобный клубок отрицательных пустых энергий. Мир, в котором все меньше остается места для искренности и любви.

И об этом свидетельствует не только рост психических заболеваний (как блестяще определил один психологов: состояние невроза – это нормальная реакция на ненормальное существование) и самоубийств, но и количество окружающей нас пустоты в «культурном пространстве». В том числе и средствах массовой информации.

Как упрекнул меня один из редакторов нашего «продвинутого» «патриотического» еженедельника: «У тебя каждая статья – как флаг. Мимо него не пройдешь». Ничего себе – упрек журналисту, да? Посмотрите какую –нибудь из современных газет – большинство из них настолько «ни о чем», что, отложив текст в сторону, хочется раздраженно спросить: о чем эта газета?

Как и количество пустых телепередач, бездарных фильмов и стихов, никому, кроме авторов, не нужных литературных произведений. Как проговорился один из таких авторов – один из классиков современного местечкового постмодернизма: «Сегодня автор не интересен не только кучке своих поклонников, но даже самому себе...» Пожалуй, самый яркий пример все более усиливающейся бессмысленности существования. «Мир, в котором нет любви – пустой и равнодушный мир...»

Как призналась одна моя знакомая жена священника: «Твои тексты тяжело читать...». Я удивился и слегка рас-

строился: неужели настолько тяжело пишу? Вроде стараюсь излагать мысли простым русским языком. Который, на мой взгляд, вполне в состоянии освоить любой умеющий читать человек, более-менее успешно освоивший среднюю школу... Приятельница пояснила: над каждой мыслью приходится думать, а она, как неожиданно открыла для себя самой, за последнее время просто отвыкла это делать. Научный работник, между прочим...

Кстати, по поводу корректоров. Самый большой комплимент в моей жизни мне сделала одна из них, сказав: «Вас двое в редакции таких сумасшедших – вы и Пятницкий». В смысле – такой же настырный и надоедливый. Слава Богу! Что-то хорошее от окружающих меня людей я, наверное, все-таки взял. Я об отношении к своему делу если и не с любовью, то по крайней мере – с интересом.

Помните эпизод из фильма «В бой идут одни старики», когда за дружеским фронтовым застольем молоденький лейтенантик – интеллектual делится с фронтовыми друзьями выстраданным: «Ну как люди не поймут, что что-то великое можно совершить только – с любовью»? Безусловно. От пустоты душевной, по моему, под вражеский танк с гранатами не полезешь.

Это если бойцу повезло и гранаты у него были: тогда он мог бросить их под гусеницу подходящего танка и так остановить стальное чудовище. От взрыва гусеницу срывало и танк начинал кружиться на месте. Если у солдата на-

ходилаась вторая граната и не отказывали при этом нервы – он успевал бросить ее в заднюю часть танка, где находились бензобаки, пока танк делал оборот вокруг своей оси. Тогда двигатель взрывался. Танк фактически был уничтожен. Если нет – танк превращался в неподвижную стреляющую крепость – до тех пор, пока хорошо обученные и прекрасно снабженные немецкие ремонтные бригады не чинили повреждённые траки и танк вновь вступал в строй.

Да что там с гранатами: в начале войны не то что гранат – бутылок с бензином на всех не хватало. Нет, я не про знаменитый «коктейль Молотова» – бутылку с зажигательной смесью, которая при ударе детонировала и самовозгоралась. Сегодня рецепт их создания, как и впрочем, и многого другого, можно совершенно свободно найти в Интернете. А в начале войны их еще не было. Их, как и Шостакович свою знаменитую симфонию, создали ученые ленинградского университета во время блокады, и технически это было достаточно сложным: нужно было найти такую смесь, которая бы детонировала лишь при сильном ударе, когда бутылка разбивалась о броню.

А в начале войны солдаты часто пользовались обычными бутылками с бензином, обмотанными тряпками. Видели большие «хозяйственные» спички? Вот такая спичка вставлялась в пробку головкой вверх, а боец клал в карман спичечный коробок. Время было осеннее, коробки отсыревали, да и пот, наверное, прошибал от такой работы нешуточный,

поэтому если была возможность – человек брал с собой запасной.

Вот об такой коробок солдат чиркал спичкой, если она зажигалась – он давал ей слегка разгореться – и бросал в заднюю часть стремительно уползавшего танка, где находился мотор. Если бросок был удачным, бензин растекался по броне и загорался. Тогда пламя перекрывало доступ воздуха в скрытый под броней двигатель и танк останавливался. Если удавалось бросить вторую бутылку – пламя могло протечь прямо внутрь, и мотор взрывался. Замечательные авиационные двигатели, установленные на германских машинах, так же замечательно горели, поскольку работали на бензине. Видели, как фильмах про войну дымятся фашистские танки и ни одного нашего? Это потому, что на наших танках стояли «дизели» – те, которые и сегодня прекрасно используются в тракторах, трудящихся в бывшем народном хозяйстве.

Знаете, какой толщины броня была у танков времен Второй мировой? Ровно дециметр. Десять сантиметров. Ну, впрочем, это у более поздних «тигров», а у более ранних модификаций начала войны – сантиметров восемьдесят. Пробить их «в лоб» было почти невозможно – наши противотанковые пушки простреливали их лобовую броню где-то с расстояния пятисот метров.

Скорость танка, кстати, составляла около сорока километров в час. За сколько он преодолеет полкилометра – попробуйте сосчитать сами, у автора, если честно, с математикой

неважно. Скорострельность пушки – при условии, что расчет полный и есть кому вовремя подтаскивать снаряды, заряжать и наводить на цель, составляет пять – шесть выстрелов в минуту, поэтому большинство орудий успевали сделать в лучшем случае два – три результативных выстрела.

Но пушек, танков, да что там – гранат и винтовок, как и всего остального, катастрофически не хватало. Историки пишут, как батальонам военного ополчения выдавали одну винтовку на десятерых: «Убьют товарища – возмешь оружие». Сколько их, безвестных, погибло в окопах, даже не успев взять в руки оружие... Обычную «трехлинейку» Мосина против немецких автоматов – с запасом из четырех патронов, затвор которой надо было передергивать после каждого выстрела, а потом заряжать заново. Были, правда, ещё и винтовки усовершенствованной модели, патроны в которые вставлялись целой обоймой из пяти штук, но они, как вы понимаете, погоды не делали.

Но кроме пехоты, на Москву шли еще и танки. Замечательные немецкие танки, покорившие такие европейские державы, как Франция, Чехия и Польша, за две – три недели. Прошедшие великие европейские державы, как выражались штатные летописцы Геббельса, «победным маршем». И это совсем не было преувеличением.

Поэтому когда в советских и русских фильмах высокомерные немецкие офицеры небрежно бросают пленным русским бойцам: «Вы даже представить себе не можете всю

мощь немецкой военной машины», это действительно очень похоже на правду. Так оно и было. У Германии была одна из лучших армий в мире. Пожалуй – лучшая, если не считать советской.

Но это стало ясно уже потом, после Курской дуги и Сталинграда, положивших, как в нас, слава Богу, вдолбили в школе, «начало перелому в Великой Отечественной войне». А пока советский мальчишка сидел в окопе и ждал, когда к нему приблизиться грохочущее, чадающее, плюющееся железом тридцати-сорокатонное чудище. Чудище надо было пропустить через себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.